

УДК 316.7

МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СУЖЕНИЕ ГОРИЗОНТА ОЖИДАНИЙ

А. К. Мамедов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва)
Akmnauka@yandex.ru

Аннотация. Процесс сужения горизонта ожиданий мужчины в современном городском пространстве является сверхактуальным. Исследуются структурные факторы трансформации мужской идентичности: урбанизация, изменение характера труда, цифровизация экономики, феминизация социальных ролей, рост числа неполных семей, размывание институциональных паттернов мужской социализации. На основе классических социологических концепций предлагается теоретическая модель исследования изменений мужских ролевых ожиданий в условиях постиндустриального мегаполиса. Сделан вывод о том, что речь идет не о «кризисе маскулинности» в узком психологическом смысле, а о структурной перестройке социальных горизонтов, в рамках которой мужчина теряет институционально закрепленные сценарии будущего и оказывается в условиях нормативной неопределенности.

Ключевые слова: урбанизация, маскулинность, городское пространство, изменения труда, феминизация ролей, неполная семья, социальные ожидания, идентичность, anomia.

Для цитирования: Мамедов, А. К. (2026). Мужчины в современном городском пространстве: сужение горизонта ожиданий. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 66-75. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.66-75.

MEN IN THE MODERN URBAN SPACE: NARROWING THE HORIZON OF EXPECTATIONS

A. K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Akmnauka@yandex.ru

Abstract. The process of narrowing the horizons of a man's expectations in the modern urban space is super-urgent. The structural factors of the transformation of male identity are investigated: urbanization, the changing nature of work, the digitalization of the economy, the feminization of social roles, the growing number of single-parent families, and the erosion of institutional patterns of male socialization. Based on classical sociological concepts, a theoretical model for studying changes in male role expectations in a post-industrial metropolis is proposed. It is concluded that we are not talking about a "crisis of masculinity" in a narrow psychological sense, but about a structural restructuring of social horizons, in which a man loses institutionally fixed scenarios of the future and finds himself in conditions of normative uncertainty.

Keywords: urbanization, masculinity, urban space, labor changes, feminization of roles, single-parent family, social expectations, identity, anomie.

For citation: Mamedov, A. K. (2026). Men in the Modern Urban Space: Narrowing the Horizon of Expectations. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 66-75. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.66-75.

Введение

Фиксируемый в современной социологии феномен «горизонт ожидания» позволяет теоретически актуализировать не только набор социальных ролей, но и поле возможного будущего, структурированное культурными, институциональными и экономическими факторами [Кастельс, 2000]. Горизонт ожиданий включает и формирует представления о сценариях успеха, нормативах поведения, символических маркерах статуса.

Так, в традиционном индустриальном обществе мужская роль воспринималась как незыблемая и естественная, данная по умолчанию, поскольку была строго актуализирована и институционально закреплена: кормилец, носитель профессионального статуса, субъект публичной сферы и политической активности. Данные позиции формировали устойчивый и предсказуемый горизонт жизненных траекторий. Постиндустриальный и деиндустриализованный город вместо четких жизненных сценариев предлагает множественность, не подкрепленную устойчивыми институциональными гарантиями, что приводит к сужению горизонта ожиданий, выраженного в сокращении структурированных и социально одобряемых мужских жизненных стратегий. Механизмы влияния мегаполиса на психику индивида – рационализация, дистанцированность, фрагментация социальных связей – представлены в классическом анализе городской жизни Г. Зиммеля [Зиммель, 2002]. Как следствие, в XXI в. мы наблюдаем трансформацию модусов поведения:

- ускорение социальных процессов;
- высокая мобильность;
- плотность конкуренции;
- цифровая медиатизация повседневности.

Если раньше город представлял собой пространство расширения возможностей, то теперь он стал пространством постоянной адаптации, имеющей дискретный характер, т. к. социум постоянно выдвигает все новые требования, связанные с высокой конкурентностью в городской среде [Мамедов, Якушина, 2015а]. Ментальный опыт, сформировавшийся на базе имеющихся реалий, обесценивается в процессе новых социальных действий: если индустриальный мегаполис создавал рабочие места и вертикальные социальные лифты, то современный мегаполис усиливает горизонтальную конкуренцию при отсутствии устойчивых вертикалей. В итоге мужская роль, в силу сложившегося социогенеза связанная с вертикальной мобильностью и иерархическим продвижением, оказывается подорванной, что приводит к эрозии типичных установок.

Труд, согласно логике рационализации популярного в первой половине XX в. мыслителя М. Вебера, в соответствии с протестантской этикой выступал центральным элементом социальной идентичности [Вебер, 2016]. Соответственно, профессия формировала статус, дисциплину, жизненный уклад и долгосрочную биографию, что позволяло расширявшимся линейно жизненным горизонтам быть устойчивыми. Современная экономика в большей части характеризуется проектной занятостью, нестабильностью доходов, цифровыми платформами, сервисной доминантой [Бауман, 2008]. Физический и индустриальный труд, ранее ассоциировавшийся с мужской идентичностью, маргинализируется и утрачивает символический престиж [Ильин, 2005]. Параллельно усиливается, зачастую экспоненциально, значимость и доминанта коммуникативных

и эмоциональных компетенций, что ведет к смешению гендерных кодов труда и снижению четкой дифференциации «мужских» и «женских» профессиональных сфер. Горизонт ожиданий сужается до краткосрочных стратегий занятости, биография перестает быть линейной, а следовательно, и предсказуемой. Утрата грани между гендерными ролями в социуме усиливает феминистские тренды поведения.

Под феминизацией понимается не просто биологическая трансформация, а расширение поведенческих норм и практик, традиционно приписываемых женщинам: эмпатия, эмоциональная открытость, ориентация на диалог, участие в заботе о детях. Городская среда все явственнее институционализирует эти требования через корпоративную культуру, сферу услуг и медиа. Особую роль в этом играет современный кинематограф, где образ «неотягощенной» семьей женщины становится частью мейнстрима. Однако сохраняются и традиционные ожидания: финансовая ответственность, лидерство и конкурентоспособность. Возникает двойное нормативное давление.

В 60-е гг. XX в. в европейском экзистенциализме данный феномен был определен как «разорванное мышление». Необходимость сочетания мужчиной несовместимых моделей поведения приводит к состоянию, описываемому как аномия. По Э. Дюркгейму, это разрыв между социальными нормами и возможностями их реализации. Отсюда и потребность в компенсации в виде демонстративного потребления [Дюркгейм, 1994]. В условиях эрозии профессиональной идентичности значимость подобной символической компенсации возрастает, и логика демонстративного потребления, согласно Т. Веблену, приобретает новое измерение [Веблен, 1984]:

- статус подтверждается брендами;
- маскулинность выражается через материальные символы;
- успех визуализируется в цифровом пространстве.

Следует отметить, что эта стратегия не расширяет горизонт ожидания, а подменяет его внешними атрибутами, создавая «иероглифы» престижа. На передний план выдвигаются лишь эфемерные, сиюминутные маркеры успеха [Бурдые, 2007].

Данные процессы не могли не изменить и демографическую ситуацию, а именно: возникновение чайлдфри-фэмили, рост числа неполных семей и разрыв в трансляции мужских моделей поведения. Современная городская семья, в отличие от сельской, не воспринимает ребенка в качестве экономической единицы или перспективной рабочей силы. Инфантилизм и отчуждение от труда становятся массовым трендом.

Увеличение числа детей, выросших без отца, также напрямую влияет на воспроизводство или сбой маскулинных сценариев, зачастую искажая их и трансформируя в иные культурные поля. Отсутствие устойчивой и доминантной мужской фигуры затрудняет передачу ролевых паттернов, ослабляет институциональные модели ответственности, а также формирует неопределенные ожидания относительно мужской роли. Город усиливает мобильность, индивидуализацию, частоту разводов, что дополнительно осложняет межпоколенческую трансляцию мужской идентичности.

В связи с этим можно предложить модель анализа, включающую три уровня:

1. Структурный уровень:
 - трансформация рынка труда;
 - урбанистическая плотность;
 - медиатизация.

2. Институциональный уровень:

- изменения семьи;
- корпоративная культура;
- образовательные практики.

3. Символический уровень:

- новые медиа-образы маскулинности;
- потребительские маркеры статуса;
- гибридные гендерные модели.

В связи с сужением горизонта ожидания, проявляющегося как сокращение институционально закрепленных сценариев мужской взрослости, следует выделить потенциальные модели развития, для которых вероятны три сценария:

1. Адаптационный – формирование гибридной маскулинности.
2. Компенсаторный – радикализация и возврат к жестким моделям.
3. Институциональный – переопределение ролей через образовательные и семейные политики.

Сужение горизонтов ожидания мужчины в городском пространстве является результатом комплексной трансформации социальной структуры, усложненной тотальной урбанизацией. Речь идет не о деградации, а о переходе к новой конфигурации маскулинности, в которой традиционные институциональные опоры утрачивают универсальность. Город, создавая множественность возможностей и широкую палитру предложений, лишает предсказуемости, и мужчина оказывается в пространстве выбора без четкой нормативной карты.

Структурные трансформации неизбежно находят отражение в субъективном опыте. Если институциональная модель мужской взрослости утрачивает устойчивость, то индивид оказывается в ситуации внутреннего расщепления между ожиданием и возможностью, нормой и реальностью. Горизонт ожидания – это не только социальная рамка, но и психологическая карта будущего. Иногда социальная агнозия приводит к потере четкости и хоть какой-то определенности, в результате чего возникает:

- тревожность из-за неопределенности;
- снижение чувства собственной значимости;
- ощущение «застывания» в пролонгированной молодости;
- страх несоответствия.

Э. Гидденс характеризовал это как симптомы утраты «онтологической безопасности» – базового доверия к стабильности социального мира [Гидденс, 2005, с. 55].

Современный городской мужчина, как правило, существует в состоянии латентного сравнения. Медиасреда производит бесконечные образы успеха: предприниматель, атлет, интеллектуал, заботливый отец, эмоционально зрелый партнер. Эти модели предъясняются одновременно, создавая эффект нормативной перегруженности. Город усиливает эффект видимости – мужчина становится объектом публичного наблюдения, реального или воображаемого.

В индустриальной модели признание было институциональным, т. к. профессия давала статус, семья подтверждала зрелость, а социальная иерархия закрепляла место. Сегодня признание носит ситуативный и нестабильный характер. Психологически это ведет к дефициту символической опоры. Мужчина может быть экономически активным, но не ощущать социального веса. Он может реально участвовать в воспитании детей,

но не воспринимать себя как носителя авторитета. Возникает феномен внутреннего обесценивания, апатии, когда достижение не переживается как окончательное. Горизонт ожидания смещается вперед, но перестает быть достижимым.

Расширение эмоционального репертуара мужчины – объективный социальный процесс. Однако психологически этот процесс, как правило, амбивалентен. С одной стороны, мужчина получает право на выражение уязвимости, участие в заботе и эмоциональную близость. С другой стороны, сохраняется страх утраты «мужского ядра». Возникает скрытая тревога: «не означает ли мягкость слабость?», «как это будет воспринято?», «не ведет ли отказ от жесткой доминантности к символической маргинализации?». Данный конфликт редко артикулируется открыто, он проявляется в микропрактиках: ироническом дистанцировании от собственных чувств, компенсаторной демонстрации силы, избегании разговоров о внутреннем опыте. Городская среда не предоставляет устойчивого языка для описания нового типа маскулинности. Мужчина оказывается в переходном состоянии без четкого культурного нарратива, без компетенций и навыков быстрой адаптации к новым реалиям.

Традиционные общества обладали ритуалами перехода: армия, профессиональная иерархия, ранний брак. Эти институты символически фиксировали момент взросления. Современный город размывает границу между юностью и зрелостью. Психологически это проявляется в пролонгированной зависимости, избегании долгосрочных решений, отложенном отцовстве, сохранении потребительского стиля жизни.

Мужчина может быть биологически взрослым, но субъективно не ощущать завершенности перехода. Отсутствие инициации формирует ощущение незавершенности собственной биографии.

Безусловно, динамика роста неполных семей влияет не только на социальную структуру, но и на внутреннюю психодинамику идентичности. Отсутствие устойчивой отцовской фигуры может приводить к гипертрофированной потребности в признании, поиску внешних авторитетов, а также неопределенности мужского самообраза. Психологический образ отца как носителя границы и ответственности ослабевает. В результате мужчина во взрослой жизни вынужден конструировать образ мужской зрелости самостоятельно, без устойчивого образца.

Современный мегаполис усиливает горизонтальное сравнение, поскольку социальные сети, функционирующие как витрина достижений, определяют установку: ты – это то, что ты о себе пишешь. В этой среде формируется постоянная фоновая тревожность – ощущение, что кто-то всегда успешнее. Психологически это выражается в синдроме самозванца, хроническом чувстве недостаточности, выгорании.

Мужчина, не обладая устойчивым институтом признания, становится зависимым от ситуативной оценки.

В условиях сужения горизонта ожидания возникают компенсаторные стратегии:

1. Гиперуспешность – чрезмерная ориентация на карьеру.
2. Гипертелесность – культ физической формы как подтверждение мужественности.
3. Цифровая идентичность – перенос самореализации в виртуальную среду [Мамедов, Коркия, 2017].
4. Радикализация – обращение к традиционалистским или агрессивным моделям.

Каждая из этих стратегий выполняет психологическую функцию восстановления контроля. Указанный нами процесс сужения горизонта затрагивает ряд экзистенциальных вопросов смысла, что естественно для любой пограничной ситуации. Если индустриальная

модель предлагала ясный ответ: «Работай, обеспечивай, будь опорой», то современный город предлагает множественные, но отнюдь не иерархизированные варианты. Психологически это создает состояние экзистенциальной неопределенности: «кем быть?», «что считать успехом?», «где граница взрослости?». Отсутствие четкой культурной формулы мужской зрелости усиливает внутреннюю фрагментацию. Трансформируется привычная и устоявшаяся оптика воззрения на жизнь.

Можно говорить о формировании переходного типа маскулинности – гибкой, но тревожной; эмоционально более открытой, но нормативно незащищенной; свободной от жесткой иерархии, но лишенной институционального признания. Этот тип не является слабым. Он находится в процессе становления.

Психологическая стабилизация возможна через:

- образовательные программы формирования мужской ответственности;
- переопределение отцовства как ценности;
- признание многообразия мужских сценариев;
- снижение давления медийных стандартов успеха.

Без институционального сопровождения индивидуальная адаптация будет сопровождаться хронической тревожностью.

Социологические и психологические исследования последних лет фиксируют устойчивый рост показателей тревожности и эмоционального истощения в мужской среде крупных городов. Особенно это заметно среди мужчин 25–45 лет – период, который традиционно ассоциировался с карьерным и семейным становлением.

Городская экономика проектного типа формирует режим постоянной включенности. Нестабильная занятость, краткосрочные контракты, отсутствие долгосрочной карьерной траектории, конкуренция в цифровой среде формируют фон перманентной неопределенности. Исследования показывают: мужчины чаще связывают самооценку с профессиональным успехом, что при нестабильности труда приводит к повышенной тревожности, соматизированному стрессу и эмоциональному дистанцированию. Выгорание становится не эпизодическим состоянием, а фоновым режимом существования [Мамедов и др., 2026, с. 121].

Медиатизированная культура успеха формирует модель «гипермужчины»: предприниматель, спортсмен, активный отец, эмоционально зрелый партнер. Эмпирические опросы демонстрируют, что значительная часть мужчин осознает постоянное несоответствие этим паттернам, что далеко не безобидно. Возникает феномен «скрытого напряжения» – внешняя адаптация при внутреннем ощущении недостаточности. Особенностью мужского психологического реагирования является то, что тревожность зачастую не артикулируется напрямую, она выражается через раздражительность, замыкание, избегание обсуждения чувств, а также через уход в цифровые пространства.

Современный городской мужчина чаще и реальнее вовлечен в уход за ребенком, чем предыдущие поколения, при этом эмпирика показывает амбивалентность переживания: высокая включенность, но одновременно страх потери профессионального статуса; стремление быть «новым отцом», но отсутствие устойчивого образца. Это усиливает внутренний конфликт между карьерной и семейной идентичностью, приводя нередко к деструктивным формам поведения.

При кажущейся плотности городского общения мужчины все чаще сталкиваются с дефицитом доверительных социальных связей. Исследования социальной поддержки показывают, что городская среда усиливает публичность, но не гарантирует глубины контакта: мужчины реже обсуждают эмоциональные проблемы с друзьями, перенося их во внутренний мир, и переживают кризисы, как правило, в одиночку. Уже с середины 50-х гг. XX в. социологами констатируется феномен «одиночества в толпе».

Сужение горизонта ожидания имеет не только социологическое и психологическое, но и философское измерение. Поздняя модерность разрушает метанарративы мужской идентичности. Если индустриальная эпоха предлагала телеологию «стань опорой семьи», «построй карьеру», то современность предлагает множественность без иерархии. Экзистенциально это означает отсутствие заданного и принятого всеми пути, необходимость самостоятельного конструирования смысла и ответственность без гарантий.

Несомненно, городской мужчина оказывается в ситуации, которую можно описать как «тревога выбора». Свобода больше не компенсируется ясностью. Она (свобода) все более тревожна и неустойчива. Выбор профессии, модели семьи, стиля жизни – все это становится лишь индивидуальным проектом и зоной ответственности. Но индивидуализация в современном ее варианте не сопровождается институциональной поддержкой. Тревога возникает не по причине отсутствия возможностей, а из-за их избыточности. Выбор из избыточного зачастую приводит к ощущению неправильности самого выбора. Как отмечал У. Бек в своей концепции общества риска, подобная ситуация порождает феномен, который можно определить как «ловушку индивидуализации», то есть ситуацию, при которой социальные кризисы начинают восприниматься как личные неудачи [Бек, 2000].

С точки зрения феноменологии повседневности, мужской субъект утрачивает ощущение цельности биографии: она сконструирована из множества весьма разнообразных акторов. Человек все больше напоминает субъекта в комнате зеркал, где возможность вычленения собственного «я» весьма затруднительна. Он существует одновременно в нескольких ролях: сотрудник, партнер, отец, участник цифровых сообществ, потребитель. Эти роли не всегда интегрированы. Появляется чувство фрагментации – как будто разные части «я» функционируют автономно [Мамедов, Якушина, 2015а; Мамедов, Якушина, 2015б].

Индустриальная маскулинность была ориентирована на будущее – долгосрочное накопление статуса. Современная городская маскулинность часто живет в режиме краткосрочности: проекты – вместо профессии, отношения – вместо брака, впечатления – вместо накоплений. Временной горизонт сокращается. Это и есть психологическое проявление сужения ожиданий.

Безусловно, современный мужчина формально свободен от жестких гендерных предписаний: у него есть право и возможность выбирать профессию без гендерных ограничений, активно участвовать в воспитании детей, демонстрировать эмоциональность. Однако эта свобода сопряжена с неопределенностью и отсутствием четких ориентиров. Социальная агнозия усиливает дезориентацию в обществе. Парадокс состоит в том, что расширение возможностей сопровождается в первую очередь ростом тревожности.

На фоне описанных процессов формируется переходная модель мужской взрослости, для которой характерны: гибкость идентичности, рефлексивность, эмоциональная открытость, нестабильная институциональная опора.

Данный тип еще не получил культурной фиксации, поскольку он находится в процессе становления и требует институционального признания. Новая социальная ткань еще не прожита и не отрефлексирована. Социальная мысль пока не выдвигает на повестку дня данный феномен.

Сужение горизонта ожиданий мужчины в городском пространстве можно определить как процесс сокращения институционально закрепленных, социально признанных и психологически устойчивых сценариев мужской взрослости в условиях поздней модерности. Он проявляется на трех уровнях:

1. Структурном – трансформация труда и семьи.
2. Психологическом – тревожность, фрагментация идентичности.
3. Экзистенциальном – утрата телеологии мужского жизненного проекта.

Это не кризис в узком смысле, а фаза массового перехода к новой конфигурации маскулинности [Кон, 2009].

Сужение горизонта ожиданий мужчины в городском пространстве – это не только социоструктурный, но и глубоко психологический процесс. Мужчина поздней модерности оказывается между двумя эпохами: он, по большей части, не полностью индустриальный субъект (это уже в прошлом), но еще не институционально признанный носитель новой гибридной маскулинности. Современный город манит к себе, предоставляя свободу, но отнимает ясность, расширяя ассортимент выбора и таким образом сокращая предсказуемость решений. Он поощряет эмоциональность, но отнюдь не гарантирует признания. Психологическая динамика современного мужчины – это динамика адаптации к миру, где взрослость в силу своей дискретности больше не определяется однозначно.

Список литературы / References

- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. СПб.: Питер. 238 с.
- Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. St. Petersburg. 238 p. (In Russ.).
- Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-традиция. 381 с.
- Beck, U. (2000). *Risk Society. Towards Another Modernity*. Sedelnik, V. and Fedorova, N. (transl.). Moscow. 381 p. (In Russ.)
- Бурдьё, П. (2007). Социальное пространство и символическая власть. *Социология социального пространства*. Пер. с фр. М.: Изд-во Алетейя. С. 64-86.
- Bourdieu, P. (2007). Social Space and Symbolic Power. In *Sociology of Social Space*. Moscow. Pp. 64-86. (In Russ.)
- Вебер, М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. *Экономическая социология*. Т. 17. №. 5. С. 13-29.
- Weber, M. (2016). Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 17. No 5. Pp. 13-29. (In Russ.)

Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс. 367 с.

Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. Moscow. 367 p. (In Russ.)

Гидденс, Э. (2005). *Устройство общества. Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект. 525 с.

Giddens, E. (2005). *The Structure of Society. Essay on the Theory of Structuration*. Moscow. 525 p. (In Russ.)

Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство: Социологический этюд*. Пер. с фр. с сокр., под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль. 399 с.

Durkheim, E. (1994). *Suicide: A Sociological Study*. Bazarov, V. A. (ed.). Moscow. 399 p. (In Russ.)

Зиммель, Г. (2002). Большие города и духовная жизнь. *Логос*. Т. 3. № 34. С. 1-12.

Simmel, G. (2002). Big Cities and Spiritual Life. *Logos*. Vol. 3. No. 34. Pp. 1-12. (In Russ.)

Ильин, В. И. (2005). Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 14. № 2. С. 3-40.

Ilyin, V. I. (2005). Consumer Society: Theoretical Model and Russian Reality. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 14. No. 2. Pp. 3-40. (In Russ.)

Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. Т. 1. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1. Moscow. 608 p. (In Russ.)

Кон, И. С. (2009). *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время. 494 с.

Kon, I. S. (2009). *A Man in a Changing World*. Moscow. 494 p. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Горлач, Д. Г., Горлач, М. Е. (2026). *Прагмалингвистика социального статуса*. М.: МАКС Пресс. 145 с.

Mamedov, A. K., Gorlach, D. G., Gorlach, M. E. (2026). *Pragmalinguistics of Social Status*. Moscow. 145 p. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Коркия, Э. Д. (2017). Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы. *Теория и практика общественного развития*. № 2. С. 9-12.

Mamedov, A. K., Korkiya, E. D. (2017). Identity in Virtual Reality: New Alternatives. *Theory and Practice of Social Development*. No. 2. Pp. 9-12. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Якушина, О. И. (2015а). Поиск идентичности в современных реалиях: дикретность, посттрадиционализм и индивидуализм. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. № 4. С. 20-30.

Mamedov, A. K., Yakushina, O. I. (2015a). The Search for Identity in Modern Realities: Discreteness, Posttraditionalism, and Individualism. *Bulletin of the Peoples Friendship University of Russia. Series: Sociology*. No. 4. Pp. 20-30. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Якушина, О. И. (2015б). Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. № 1. С. 43-59.

Mamedov, A. K., Yakushina, O. I. (2015b). Theoretical Approaches to Understanding Identity in Modern Sociological Science. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. No. 1. Pp. 43-59. (In Russ.)

Сведения об авторе/ Information about the author

Мамедов Агамали Кулам-оглы – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета им. М. В Ломоносова, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, e-mail: Akmnauka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-7546>.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2026

После доработки: 15.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Mamedov Agamali Kulam-ogly – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Leninskie Gory, 1, building 33, e-mail: Akmnauka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-7546>.

The paper was submitted: 05.03.2026

Received after reworking: 15.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026